

От личного номера до генетического кода: обращение с останками лиц, погибших на войне, личность которых требуется установить

Люк Капдевила и Даниэль Вольдман*

В связи с огромным числом павших в различных войнах XX века люди стали по-новому отдавать почести погибшим военнослужащим. Начиная с 20-х гг. прошлого века в Европе и в Соединенных Штатах стали появляться могилы с покоящимися в них останками неопознанных военнослужащих, которых оплакивали как «неизвестных солдат». С каждым новым конфликтом эта практика получала все большее распространение, однако XX век все же ознаменовался тем, что один из неизвестных солдат обрел свое имя. Погибший в бою на севере Сайгона 11 мая 1972 г. военный летчик Майкл Дж. Блесси был объявлен пропавшим без вести. Но семья Майкла не прекращала поисков его останков. 13 мая 1998 г., будучи уверенной, что именно он был тем неизвестным солдатом Вьетнамской войны, которого захоронили на Арлингтонском кладбище, она добилась разрешения у министерства обороны США на проведение идентификации по ДНК останков солдата, покоящегося под стелой мемориального комплекса. Было установлено, что они принадлежат именно лейтенанту Блесси, и их передали его родственникам¹.

Во время Первой мировой войны власти воюющих государств проделали огромную работу, чтобы дать возможность родственникам солдат, погибших на поле боя, оплакать их должным образом. Они создали и стали содержать огромные военные кладбища и даже, во всяком случае во Франции и Соединенных Штатах, вернули останки родственникам, которые выразили же-

* Люк Капдевила – сотрудник Научно-исследовательского центра истории общества и культуры стран Западной Европы (университет «Ренн-2»); Даниэль Вольдман – начальник отдела научных исследований Института новейшей истории Национального комитета научных исследований. Недавно вышло в свет их исследование «*Nos morts. Les sociétés occidentales face aux tués de la guerre (XIXe-XXe siècles)*», Payot, Paris, 2002.

ление захоронить их самостоятельно. Но в большинстве своем останки погибших военнослужащих не были найдены или не представлялось возможным идентифицировать их. Создание культа неизвестного солдата отвечало настроениям тысяч людей, лишенных возможности оплакать своих погибших родных. Через двенадцать лет после открытия мемориала «Могила Неизвестного солдата Первой мировой войны» у Триумфальной арки генерал Вейганд говорил, напоминая о мотивах, приведших к созданию этого памятного места: «Захоронить с великими почестями неизвестного солдата, который бы стал «Сыном всех Матерей, потерявших своих детей» [...], дать родственникам погибших могилу, где бы они могли помолиться [...]. Идея воздать почести самым скромным и самым безвестным из наших героев путем увековечения памяти неизвестного солдата отвечала чувствам, которые испытывали все люди на планете»². В Лондоне могила неизвестного солдата находится рядом с усыпальницами королей на территории Вестминстерского аббатства. Подобные мемориалы были созданы в 1921 г. в Риме, Вашингтоне, Лиссабоне, Брюсселе, в 1922 г. — в Праге и Белграде, а затем — в Будапеште, Варшаве и Бухаресте. Впоследствии в каждой войне был свой неизвестный солдат, покоящийся в мемориальной могиле.

Первая мировая война явилась, таким образом, важным этапом в истории обращения с погибшими на войне. В то время как для борьбы с противником с беспрецедентным размахом использовались средства уничтожения, вызывая массовую гибель людей, лучшие умы были мобилизованы на то, чтобы обеспечить, насколько это возможно, индивидуальный подход к обращению с телами погибших. Три фактора способствовали изменению отношения к останкам. Во-первых, с начала XIX века военные и гражданские власти стали систематизировать данные о погибших на войне военнослужащих. Во-вторых, общество в целом проявляло заботу о том, чтобы погребальные обряды соблюдались в отношении лиц, павших на поле боя. Техническая возможность доставки тел погибших на родину и возросшее внимание к останкам человека вообще привели к тому, что начиная со второй половины XIX века родственникам стали выдавать тела солдат, погибших во время сражений. Наконец, с 1850 г. в мире стали возникать различные гуманитарные движения, имевшие целью кодифицировать обычаи войны, что потребовало от воюющих сторон строить свои взаимоотношения на основе уважения права.

1 Laurent Zecchini, «Le soldat inconnu de la guerre du Viet-nam porte désormais un nom», *Le Monde*, 2 juillet 1998.

2 Général Weygand, *Le 11 novembre*, Flammarion, Paris, 1932, pp. 131–132.

Постепенно на протяжении XIX века все насущнее становилась потребность установить личность солдат, тела которых были изувечены до неузнаваемости в бою. Необходимость в этом объяснялась и тем, что новобранцы, которых в массовом порядке привлекали к участию в военных действиях, не знали друг друга, что не позволяло с легкостью опознавать погибших без труда, как это было ранее.

В отличие от войск далекого прошлого, армии современных государств формировались из своих граждан и дело приходилось иметь с останками соотечественников. Встал вопрос о разработке метода, позволяющего идентифицировать останки всех погибших, и обращаться с ними так же, как с останками гражданских лиц, умерших в мирное время. Меры, разработанные для военных, стали применять и к гражданским лицам, поскольку, превратив в поле боя всю страну, армия использовала средства массового уничтожения, не позволяющие проводить различие между гражданским населением (гражданскими объектами) и сугубо военными объектами.

Свидетельство о смерти в случаях, когда нет в наличии останков

Впервые серьезные изменения в подходе к обращению с останками погибших на войне произошли во время наполеоновских войн в Европе и Войны за независимость в Северной Америке. До этого обращение с останками людей, в частности погибших солдат, оставалось практически неизменным: братские могилы, вырытые непосредственно на поле боя, свидетельствовали о счастливом для кого-то, а для кого-то печальном завершении³ этого боя. По окончании сражений захоронением погибших должна была заниматься армия-победительница. Однако, поскольку военные действия были, как правило, сопряжены с передвижением войск, у них не всегда хватало времени для выполнения данной задачи. Это привело к тому, что хоронить погибших на местных кладбищах приходилось гражданскому населению. Если трупов было действительно много, поступал приказ хоронить их в могиле, вырытой непосредственно на поле боя. Из санитарно-гигиенических соображений⁴ тела покрывали слоем извести. Таким образом, с погибшими военными обращались совсем не так, как с мертвыми

3 André Corvisier, «La mort du soldat depuis la fin du Moyen Âge», *Revue historique*, juillet 1975, pp. 3–30.

4 Un officier supérieur en retraite, *Les Devoirs des maires en cas de mobilisation générale*, Paul Dupont, Paris, 1889, pp. 64–66.

гражданскими лицами, тем более если учесть, что во Франции 23 прериаля года XII (12 июня 1804 г.) был принят декрет, устанавливающий порядок работы кладбищ, который предусматривал захоронение умерших в индивидуальные могилы с обязательным использованием гроба. С этого времени даже тела нищих, которых продолжали хоронить в братских могилах, располагали друг возле друга, а не вповалку, и обязательно — в гробах⁵.

В период же наполеоновского правления государство обязано было брать на себя расходы, связанные с похоронами всех лиц, погибших на поле боя или скончавшихся в течение трех месяцев от полученных в бою ран⁶. Кроме того, военные и гражданские власти должны были производить регистрацию погибших. В начале XIX века в частях и подразделениях был офицер, который вел учет личного состава. После каждой битвы он подсчитывал погибших и заносил эти цифры в журнал в присутствии трех свидетелей, что предусматривалось законом. Указывалась причина смерти: погиб в бою, умер в результате ранений, полученных на поле боя, от «болезней, связанных с тяжелыми военными условиями», или от «обычных» болезней. Ни в коем случае не упоминались причины «позорной» смерти — самоубийство или дуэль. Если личность погибшего была известна, офицер сообщал об этом в соответствующие службы по месту жительства. Работники этих служб отмечали также в своих журналах случаи смерти военнопленных, наступившей во время содержания в плену на находящейся в их ведении территории.

Начиная с середины XIX века основные принципы обращения с останками и учета погибших во время боя нашли отражение в военных уставах, которыми руководствовались вооруженные силы. Но, помимо инструкций, существуют практика и обычаи. В 1870–1871 гг. у французских военнослужащих еще не было индивидуальных медальонов, позволяющих установить их личность; тела зарывали в братских могилах вместе с вещами, не придавая значения ни званию, ни национальности. На первый план выступала необходимость обеспечить санитарную безопасность зоны боев, где на ограниченной территории скапливались горы трупов, изрешеченных шрапнелью и осколками артиллерийских снарядов. Как и в период Крымской войны, такие сцены можно было наблюдать в ходе боев в августе 1870 г., когда мощный артиллерийский огонь

5 Philippe Ariès, *L'Homme devant la mort*, Seuil, Paris, 1977, p. 510.

6 *Instruction provisoire pour le service des troupes en campagne*. Imprimé par ordre du ministre de la Guerre, F.G. Levrault, Paris, 1823.

заставал врасплох военные штабы и приводил к огромным потерям среди личного состава во время кавалерийских атак и наступления пехоты. Необходимо было быстро захоронить тысячи трупов, пока разложение мертвых тел не вызвало распространения различного рода эпидемий, которыми издавна отличались любые периоды хаоса и перемещения войск.

Однако — и это характерно для любого военного времени — тела погибших лежали на земле в ожидании захоронения; необходимо было, чтобы этим занялись уцелевшие солдаты и чтобы хотя бы на время прекратились военные действия. Власти были озабочены не только тем, как поступить с останками, но и проблемой ограбления трупов. Военные и гражданские власти пытались не допускать на поля боев мародеров, которые воровали вещи с тел погибших и у раненых, контролировать действия «перекупщиков» на территории, расположенной возле зон боевых действий. Представители органов власти в организованном порядке собирали вещи погибших и вели их учет⁷.

В истории обращения с погибшими конфликт 1870–1871 гг. ознаменовался еще одним новшеством. В статье 16 Франкфуртского договора, подписанного 10 мая 1871 г., говорилось: «Французское и немецкое правительства обязуются содержать в надлежащем порядке могилы военных, похороненных на территории Франции и Германии». За договором последовали реальные дела. В Германии закон от 2 февраля 1872 г. урегулировал вопросы захоронения солдат обеих армий в Альзасе и бывшем департаменте Мозель. Благодаря этим мерам были обустроены места захоронения французских солдат в Меце (7 636 тел, покоящихся в братских могилах, и 178 индивидуальных захоронений), Форбахе, Гравлоте, Хагенау и Верте. Во Франции во исполнение закона от 4 апреля 1873 г. государство взяло на себя обустройство захоронений французских и немецких военных, покупая участки на коммунальных кладбищах или экспроприируя неогороженную землю, где находились могилы. Закупка участков продолжалась с 1873 по 1878 г. Могилы обносили оградами утвержденного образца. Государство позаботилось, таким образом, об обустройстве 87 396 захоронений, где в братских могилах покоились останки отважных солдат.

7 Un officier supérieur en retraite, *Les Devoirs des maires en cas de mobilisation générale*, Paul Dupont, Paris, 1889, pp. 65–66.

Первое крупное французское военное кладбище было создано за границей, на нем нашли свое упокоение солдаты Восточной армии, принимавшей участие в осаде Севастополя. Работы по его строительству завершились в 80-х гг. XIX века. Кладбище состояло из часовен, возведенных над 17 склепами, где были захоронены останки офицеров и солдат, погибших в Крыму в период с 1854 по 1856 гг. Окруженное высокой стеной с памятником в центре, оно, очевидно, послужило образцом для сооружения мемориальных кладбищ времен войны 1870–1871 гг. Необходимо отметить, что военные кладбища, где покоились воины, погибшие в кампанию 1859 г., содержались на средства французских колоний в Италии⁸.

Несмотря на различия, существовавшие между Старым и Новым Светом, в Соединенных Штатах события развивались в такой же последовательности. Начиная с Войны за независимость и после войны 1812 г. там стали появляться первые захоронения, на которых наспех устанавливали незатейливые знаки, их сменили индивидуальные захоронения с памятниками, часто в форме обелиска — символа вечности, пришедшего из древнего Египта. Первое военное кладбище было создано в 1847 г. властями штата Кентукки. На нем были захоронены останки жителей штата, погибших во время войны в Мексике; федеральные власти перевезли их на родину на средства штата. Через несколько лет власти создали постоянное военное кладбище в Мехико для захоронения американских солдат, погибших в 1845–1847 гг. Останки офицеров и солдат, обнаруженные в окрестностях этого города, свозили на кладбище, огороженное стеной, и хоронили в могилах, где они и находили вечное упокоение. Во время Гражданской войны унионистов также стали хоронить на военных кладбищах. В 1862 г. в штате Мериленд было создано военное кладбище для захоронения северян, павших при битве в Антиетаме; в 1863 г. после битвы при Геттисбурге подобное кладбище появилось в Пенсильвании. По сути дела, начиная с 1862 г. конгресс США стал предоставлять федеральным властям право создавать военные кладбища для захоронения на них солдат-северян⁹.

⁸ Le Souvenir Français, «Allocution du général Cosseron de Villenoisy», *Rapports de l'assemblée générale du 24 mai 1896*, Paris, 1896, p. 2.

⁹ G. Kurt Piehler, *Remembering War. The American Way*, Smithsonian Institution Press, Washington et Londres, 1995, pp. 40–49.

В Америке индивидуальные военные захоронения появились, таким образом, раньше, чем в Европе, где почти до конца XIX века останки неопознанных военных хоронили в братских могилах. Индивидуальные захоронения, причем не только старших офицеров, были редкими. Во Франции солдат, погибших во время войны 1870—1871 гг., в период колониальных войн, а также военнослужащих, погибших при исполнении служебных обязанностей, в конце XIX и начале XX веков хоронили, главным образом, в братских могилах. И хотя существовали строгие указания относительно учета погибших на поле боя, выполнялись они довольно редко, что же касалось установления личности погибших, то тут лишь намечались первые шаги по разработке соответствующей процедуры.

Установить личность погибших военнослужащих

Гражданская война в Америке положила начало разработке мероприятий, позволяющих опознавать погибших¹⁰. Чтобы не остаться неопознанными, до начала боя солдаты записывали на куске бумаги или пергамента свое имя, которому предшествовало выражение «I am», и указывали на нем номер своего подразделения. У некоторых из них имелись металлические опознавательные медальоны, на которых был указан их родной город. Однако не всегда военнослужащие поступали таким образом: почти у половины могил на военных кладбищах времен гражданской войны стоят отметки: «неизвестный»¹¹.

Позднее, во время войны 1870—1871 гг., в прусской армии раздавали опознавательные медальоны, от солдат требовали также носить при себе удостоверение личности, получившее название *grabstein* (могила). Во Франции в 1881 г. было принято решение выдавать военнослужащим мельхиоровые опознавательные медальоны (из нержавеющей сплава никеля, меди и цинка), что позволило бы обеспечить их учет в случае смерти и гарантировать права наследников. В 1883 г. была утверждена форма такого медальона, а в 1890 г. было решено выдавать подобные медальоны солдатам колониальных армий¹². Накануне Первой мировой войны все лица, призванные в

¹⁰ Service historique de l'armée de terre, Centre interarmées de documentation militaire, trad. n° 7166, Lt Cnel Francisco Trigueros Penalver, «La placa militar de identidad», *Ejército*, octobre 1959, pp. 29–34.

¹¹ H. Wayne Elliot, «Identification», in Roy Gutman et David Rieff (dir.), *Crimes de guerre. Ce que nous devons savoir*, Autrement, Paris, 2002, pp. 235–236.

¹² Journal militaire officiel de 1881 à 1909.

армию, обязаны были иметь опознавательный медальон¹³. Как только эти медальоны появились, солдаты стали носить их на шее. Однако из суеверия или из-за небрежности многие военнослужащие не носили их, а некоторые даже выбрасывали¹⁴. При этом, несмотря на то, что начиная с 1884 г. уже существовали инструкции, предусматривавшие, чтобы медальон погибшего солдата передавался с военным билетом, на практике их не всегда выполняли: в одних случаях опознавательный медальон действительно снимали с тела умершего и передавали соответствующим официальным лицам, в других — его оставляли на теле с надеждой, что он поможет опознать погибшего в последующем. Эти противоречивые действия объяснялись двумя взаимоисключающими причинами: военные власти заботились о том, чтобы обеспечить учет погибших во время военных действий, а товарищи умершего солдата стремились не допустить его безвестности.

Во время войны 1914–1918 гг. в большинстве европейских стран были введены опознавательные медальоны того или иного вида: некоторые из них представляли собой металлическую пластину с выгравированными на ней данными военнослужащего, в других случаях такие данные наносились при помощи чернил на кусок картона или кожи. В Великобритании, например, были в ходу девять различных типов опознавательных медальонов. В Германии в 1916 г. было принято решение использовать разъемные медальоны, ношение которых позволяло вести учет людских потерь и давало при этом возможность опознать тело погибшего¹⁵. Во Франции, для того чтобы облегчить опознание умерших, д-р Леклер, профессор медицинского факультета Лильского университета, предложил в 1915 г. использовать систему так называемого двойного опознавательного медальона, который состоял из собственно медальона и браслета. Однако в 1917 г. была предложена новая модель: она представляла собой пластину, состоящую из двух частей, одна из которых крепилась при помощи цепочки к запястью и позволяла установить личность погибшего военнослужащего в случае эксгумации тела, другая же

¹³ Lieutenant A. Froment, *La Mobilisation et la préparation à la guerre*, La Librairie illustrée, Paris, sd (fin XIXe, début XXe siècle).

¹⁴ Franc-Nohain, Paul Delay, *Histoire anecdotique de la guerre de 1914-1915*, P. Lethielleux, Paris, 1915, p. 143.

¹⁵ Thierry Hardier et Jean-François Jagielski, *Combattre et mourir pendant la Grande Guerre (1914-1925)*, Imago, Paris, 2001, p. 187.

снималась с тела и служила для составления свидетельства о смерти¹⁶. Поскольку стала согласовываться единая политика кодификации законов войны, такое разнообразие видов опознавательных медальонов не способствовало успешному решению проблемы идентификации тел, особенно в условиях непозиционных военных действий с нестабильной линией фронта, ожесточенных боев, ведущихся за овладение часто переходящими из рук в руки районами. На Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг., а также на Женевской конференции 1906 г. воюющим сторонам было рекомендовано предоставлять друг другу сведения об умерших военнопленных и погибших неприятельских солдатах, тела которых были обнаружены в находящихся под их контролем зонах. Однако 18 июня 1915 г. палата депутатов Французской Республики, озабоченная санитарным состоянием зон военных действий, проголосовала за законопроект о кремации трупов солдат неприятеля, а также французских военнослужащих и военных союзных войск, личность которых не была установлена. В январе 1916 г. текст законопроекта был передан на утверждение в Сенат, несмотря на то что некоторые депутаты возражали против этого, утверждая, что такая мера уже никогда в будущем не позволит установить личность погибшего.

Интерес к опознавательному медальону был настолько велик, что военные власти попытались повысить эффективность его использования, предлагая указывать на нем более точную информацию о военнослужащем и предусматривая соответствующий способ его ношения. Однако, несмотря на эти усилия, в конце Первой мировой войны личности огромного числа погибших не были установлены. Во Франции среди 1 400 000 военнослужащих, «погибших от рук неприятеля», 252 900 солдат были объявлены пропавшими без вести или остались безымянными. В Соединенных Штатах власти, казалось, добились больших успехов: из 116 000 погибших во время этой войны не установили личности только 2 896 человек. Следует, однако, отметить, что идентификация тел проводилась эмпирическими методами, и здравомыслящие современники поставили под вопрос качество этой работы. Не были оптимистами и ветераны. По словам одного из солдат, сопровождавшего тела погибших на поле боя военнослужащих, только в одном гробу из десяти содержались, возможно, останки того, чье имя было на табличке, прикрепленной к гробу. В остальных же находились «лишь фрагменты

16 Jean-Yves Le Naour, *Le soldat inconnu vivant*, Hachette, Paris, 2002, p. 47.

скелетов»¹⁷. При таком положении дел власти не могли ограничиваться успокоительными речами. Необходимо было найти средства, позволяющие облегчить идентификацию тел умерших.

В 1925 г. Международный Комитет Красного Креста выступил на XII конференции Красного Креста с инициативой завершить процесс разработки опознавательных медальонов — необходимого, хотя и недостаточного средства для установления личностей раненых и погибших военнослужащих. К работе приступила комиссия по «стандартизации санитарных материалов», которая наладила сотрудничество со штабами вооруженных сил государств, подписавших Женевскую и Гаагскую конвенции. Комиссию возглавлял полковник Рупперт, начальник медицинского управления польской армии. К осени 1927 г. был готов текст соответствующей резолюции, ее положения были включены в ст. 4 новой Женевской конвенции, подписанной в июле 1929 г. И хотя все государства оставляли за собой право изготавливать опознавательный медальон по собственному усмотрению, солдаты должны были отныне носить на шее металлическую пластину из двух частей, одну из которых можно было без труда передать властям неприятельского или союзного государства.

Комиссия по стандартизации не только проводила испытания на прочность опознавательного знака и решала, какую он должен иметь форму, — она также предлагала указывать на нем сведения о вероисповедании носящего его человека. И хотя это предложение, направленное на то, чтобы облегчить организацию похорон, так и не было принято военными властями большинства государств, оно свидетельствовало о возрастающем значении последних почестей умершим.

Более того, Женевская конвенция 1929 г. обязывала каждую воюющую сторону заниматься всеми убитыми, оставшимися на поле боя. Тела погибших следовало забирать, опознавать, защищать их от мародеров, от дурного обращения. Речь шла не только об обмене информацией между враждующими государствами, но и том, чтобы каждое из них достойно обращалось с останками погибших неприятельских военнослужащих. Воюющие стороны должны были передавать друг другу половину опознавательного медальона,

¹⁷ Mervyn Burke, *Journal inédit*, Carlisle Barracks, Pennsylvanie, cité par Mark Meigs, «La mort et ses enjeux: l'utilisation des corps des soldats américains lors de la Première Guerre mondiale», *Guerres mondiales et conflits contemporains*, n° 175, 1994, p. 144.

обнаруженного на теле умершего, а также хоронить погибших «с почестями». Среди прочих мер следует упомянуть регистрацию могил, что позволило бы в любой момент установить их местонахождение, и осмотр тела врачом с целью констатации смерти до того, как будет выдано разрешение на захоронение. В ст. 17 предусматривалось, что «с этой целью и с начала военных действий стороны в конфликте организуют официальную службу могил, чтобы в будущем сделать возможными эксгумации, обеспечить, каково бы ни было местоположение могил, опознавание трупов ...». Вторая Женевская конвенция 1929 г. устанавливала те же обязанности в отношении военнопленных, умерших в плену. Конвенция предоставила военнопленным право составлять завещание и направлять его своим правопреемникам.

В итоге в период между двумя мировыми войнами в основном все военнослужащие стали носить опознавательные медальоны. Во Франции на медальонах, принадлежащих офицерам и рядовым, содержалась разная информация. У офицеров на лицевой стороне медальона указывались фамилия и имя и было написано слово «офицер», на обратной стороне — дата и место рождения. На лицевой стороне солдатского медальона указывались имя, фамилия и год призыва, на обратной стороне — военный округ и номер призывного удостоверения. Кроме того, по уставу требовалось, чтобы военнослужащие носили свой военный билет во внутреннем кармане шинели. В качестве меры предлагалось обязательное обнаружение тел и обеспечение их надлежащей идентификации. Так, в 1939 г. существовали строгие предписания, касающиеся погребения и проведения санитарных мероприятий на местах боев. В частности, в них содержалось указание хоронить умерших как можно в более короткие сроки, но без особой спешки, чтобы дать возможность военным врачам должным образом констатировать смерть, а административным работникам санитарных формирований — подготовить свидетельства о смерти (отныне эта задача облегчалась тем, что военнослужащие постоянно носили опознавательные медальоны)¹⁸. Когда имя погибшего не было известно, необходимо было подробно описать место, где находилось тело, все предметы, которые были обнаружены на нем и рядом с ним, одежду (с указанием всех ее особенностей), а также оружие, находящееся рядом с трупом. Нужно было также указать имена опознанных погибших, тела которых находились рядом

18 Service de santé en campagne, *Notices. Volume à jour au 24 juillet 1939*, Charles-Lavauzelle, Paris, 1939, Notice n° 9, «Inhumations – assainissement des champs de bataille», pp. 123–128.

с телом неизвестного солдата, и номера полков, в которых эти люди служили. Наконец, о смерти следовало сообщить в службу учета личного состава и информационную службу.

Нет сводных данных о погибших во время Второй мировой войны гражданских лицах и военнослужащих, личности которых не были установлены. Розыск ведется до сих пор. Военные считают, что во Франции от 10 до 15% военнослужащих, погибших в период с 1939 по 1945 гг., считаются пропавшими без вести. Однако с каждой войной успехи в области розыска и опознания становились все заметнее, и это объясняется политической волей организовать вооруженные силы, участвующие в военных операциях, таким образом, чтобы были обеспечены регистрация всех погибших и соответствующее обращение с их телами. Идентификация была прежде всего вопросом организации. Дело в том, что до конца XX века идентификационные процедуры были ненадежными, эмпирическими и основывались, главным образом, на сопоставлении информации, а именно, на данных, содержащихся в походном журнале боевого подразделения и в военном билете военнослужащего, на сведениях о местонахождении могилы, о предметах, которые нашли рядом с телом, и т. д. Но из-за беспорядочного расположения тел в общих могилах идентификация останков вряд ли была возможной. 90% неизвестных солдат Первой мировой войны составляют военнослужащие, погибшие в 1914 г. и похороненные на кладбищах вблизи полей сражения. Только решимость проводить опознание останков и получавшие все большее распространение индивидуальные захоронения (что было далеко не всегда возможным) по-настоящему гарантировали идентификацию.

Во время Второй мировой войны Соединенные Штаты приняли дополнительные меры организационного характера, направленные на идентификацию останков погибших американцев. Военные власти США распорядились закапывать с телом не только опознавательный браслет, прозванный солдатами «ошейником» (Dog Tag), но и герметично закрытую бутылку с отчетом о захоронении (*Report of Burial*)¹⁹. Она должна была находиться на 30-сантиметровой глубине под крестом. Захоронения часто производились в спешке. Нередко могильщики хоронили в одной могиле всех членов экипажа

¹⁹ Claude Sudry, «L'exode des cadavres», *La Nouvelle Équipe Française*, n° 59, novembre 1949, p. 35.

танка или самолета. После войны, обнаружив эти могилы, служба эксгумации принимала меры для идентификации останков, группируя кости каждого из погибших на основании указаний экспертов, которые могли установить возраст и рост неизвестных солдат. Благодаря сведениям, полученным из Вашингтона, можно было установить некоторые экипажи, члены которых были похоронены в бывшей зоне боев. В специальных карточках, которые составлялись Американской службой регистрации могил (*American Graves Registration Command*) и выдавались эксгумационным бригадам, помимо прочих сведений, содержалась схема расположения зубов каждого солдата, составленная при его мобилизации. Установив личность одного из солдат, можно было идентифицировать останки других военнослужащих, захороненных в одной с ним могиле. Как писал один француз, принимавший участие в эксгумациях, «если американскому налогоплательщику опознанное тело обходится дорого, то тело неизвестного солдата вообще не имеет цены»²⁰.

Личность погибшего из числа гражданских лиц также должна быть установлена

Выше мы рассказали о той огромной работе, которая была проделана с целью установления личностей военнослужащих, погибших в бою и в зоне военных операций.

В литературных произведениях и фильмах стали все чаще освещать тему мучительных поисков пропавших без вести, которые предпринимали их родные²¹. Робкие попытки организовать идентификацию останков превратились на протяжении XX века в систематически проводимые и более эффективные мероприятия. Постепенно во всех воюющих странах военные власти постепенно разрабатывали схожие процедуры, которые совершенствовались на практике и стали применяться и к гражданским лицам. В 1942 г. в Париже, например, в распоряжениях муниципальных властей, отдаваемых после бомбардировок, проводилось четкое разграничение между мероприятиями административного характера и техническими мероприятиями — такими, как расчистка завалов и устройство временных укрытий для гражданского населения. В том, что касалось административных вопросов, на первом месте упоминался «долг, который следовало исполнить по отношению к умершим»

²⁰ *Ibid.*, p. 43.

²¹ Например, Claude Simon, *L'Acacia*, Minuit, Paris, 1989; Bertrand Tavernier, *La Vie et rien d'autre*, 1989.

(розыск, идентификация и похороны)²², а затем речь шла об оказании срочной помощи, о решении вопросов, связанных с недвижимостью, об общественном порядке, использовании пригодного инвентаря и об организации труда.

Делалось все возможное для того, чтобы жертвы военных действий не оставались неопознанными. В своем докладе о последствиях бомбардировки союзной авиации 3 марта 1942 г., в результате которой погибли 316 человек, префект полиции Парижа с удовлетворением сообщал о выполненной его службами работе: тела погибших извлекали из-под обломков, осматрели, собрали личные вещи, затем их поместили в гробы и передали семьям, которые разыскивали своих пропавших близких. В заключении префект писал: «Благодаря стараниям сотрудников префектуры, в течение трех дней большинство тел было опознано, за исключением 28. Неопознанные тела были сфотографированы Службой криминального учета, сотрудники которой сняли также отпечатки пальцев у погибших и составили их описание, что позволило без промедления провести их окончательное опознание»²³. Родственники пропавших без вести могли, таким образом, опознать погибших по фотографиям, которые имелись в префектуре.

Задачи, связанные с идентификацией погибших гражданских лиц, одновременно решались в административном, судебно-криминалистическом и психологическом аспектах. В 1941 г. после бомбардировки Ренна один из жителей Безона (что под Парижем), по имени Эмиль Дюпон, оказался в безвыходной, с административной точки зрения, ситуации: так как тело его дочери не было опознано, он не мог добиться изменения своего гражданского состояния²⁴. «После бомбардировки в марте 1943 г. молодая женщина пришла в морг на опознание своей матери, которая, как ей заявили, погибла в результате этого налета. Ей предъявили труп другой женщины. Поскольку в результате расследования, назначенного мэром, тело так и не было обнаружено, комиссар полиции в заключении своего доклада записал, что эта женщина была похоронена как «неизвестная» или — что усложняет дело — она была похоронена под другим именем»²⁵.

22 Циркулярное письмо префекта департамента Сена мэрам округов Парижа и коммун департамента Сена от 30 марта 1942 г. Архив Префектуры полиции г. Парижа, ВА 1756. Аналогичные распоряжения были даны и в других департаментах (Кальвадос, Луаре, Эндр, досье «Бомбардировки»).

23 Бомбардировка 3 марта 1942 г., Архив Префектуры полиции Парижа, В^а 1756.

24 Письмо Эмиля Дюпона из Безона префекту департамента Иль-э-Вилен, переданного мэру г. Ренна 6 декабря 1940 г., Муниципальный архив г. Ренна, 6Н₂₃.

25 Протокол комиссара полиции г. Ренна, 26 марта 1943 г., Муниципальный архив г. Ренна, 6Н₂₃.

Во время Второй мировой войны гражданское население понесло значительно большие потери, чем военнослужащие, и это активизировало начатое в 30-х гг. прошлого века обсуждение вопроса о распространении действия конвенций о законах и обычаях войны на гражданское население, хотя до этого они применялись только к военнослужащим. IV Женевская конвенция 1949 г. предписывала принимать в отношении гражданских лиц такие же меры, как и в отношении военнослужащих, погибших на поле боя: воюющие стороны, подписавшие эту конвенцию, брали на себя обязательство разыскивать убитых соотечественников — военнослужащих и гражданских лиц, принимать меры, необходимые для установления личности умерших интернированных гражданских лиц, которые находились в их власти, и регистрировать местонахождение их могил. Что же касается Дополнительных протоколов 1977 г., то они распространили действие этих положений и на «жертв немеждународных конфликтов».

Конечно, процедуры, применяемые в вооруженных силах, отличаются по своему характеру от тех, которые могли бы гарантированно обеспечить идентификацию останков гражданских лиц. Тем не менее в отдельных случаях государства, международные организации и различные ассоциации начинают применять сложнейшую технику и методы, чтобы идентифицировать останки погибших во время войны, привлекая к этому специалистов в области судебной медицины и антропологии. Сегодня на Балканах и в Аргентине вскрывают братские могилы, эксгумируют останки, которые исследуются антропологами и врачами с целью установления обстоятельств гибели этих людей. Когда в результате сопоставления данных, изучения схемы расположения зубов и следов, оставшихся на костях, личность погибшего установлена, его останки передаются родственникам. В Аргентине, на Балканах, в Руанде и других странах при решении задач по установлению личности «пропавших» преследуется еще одна цель — противостоять искушению забыть прошлое: вскрытие братских могил, идентификация останков, выяснение обстоятельств гибели людей, восстановление событий и сохранение исторической памяти о массовых убийствах — все эти драматические события являются необходимым этапом, позволяющим родным погибших их оплакать, жертвам репрессий — получить компенсацию по судебному решению, а в долгосрочной перспективе — народам примириться со своим прошлым.

Начиная с 1990 г. мероприятия по идентификации при помощи анализа ДНК позволяют почти со стопроцентной уверенностью установить личности погибших, до сих пор остававшихся неизвестными. Сначала эти дорогостоящие процедуры, требующие использования сложного оборудования, применялись лишь в отдельных случаях, но, благодаря их эффективности, спрос на них постоянно растет. Именно этот метод использовался для идентификации останков 2 823 человек, погибших под обломками башен Всемирного торгового центра в результате террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. В 2000 г. в Испании было создано общественное движение, выступающее за вскрытие братских могил времен гражданской войны и проведение идентификации покоящихся там останков — благодаря новому методу это стало возможным более чем через 60 лет после того, как эти люди умерли. По мнению некоторых потомков республиканцев, — это единственный способ выяснить условия их гибели и завершить ритуал траура. Один из них, Эмилио Сильва, председатель Ассоциации за восстановление исторической памяти (ARMH), хотел получить останки своего деда, чтобы захоронить их на кладбище рядом с могилой своей бабки; это ему удалось сделать в октябре 2000 г.²⁶

В обсуждении проблемы захоронений времен гражданской войны приняли участие и другие аналогичные организации. Но к единому мнению по этому вопросу они не пришли. Ассоциация родственников и друзей лиц, чьи останки покоятся в братской могиле в Овиедо (AFAFC), выступает, например, за то, чтобы эту могилу, где захоронено 1 500 человек, не трогали и сохранили ее как мемориальное кладбище²⁷. Один из вопросов, которые ставят представители AFAFC, — вопрос о том, что станет с теми останками, которые не будут затребованы родственниками, и сколько потребуются средств на проведение этой операции, даже если вскроют лишь несколько самых известных или имеющих символическое значение братских могил. Сегодня стоимость одной операции по идентификации останков на основании анализа ДНК составляет 3 000 евро. Станут ли захоронения республиканцев, погибших от рук франкистов, частью испанского исторического наследия времен гражданской войны?

²⁶ <<http://www.culturasdearchivo.ua.es/html>>.

²⁷ <<http://www.iespana.es/fosa/reunion/reunion.htm>>.

То, что стало реальностью в США и Испании, вряд ли можно осуществить в Аргентине и, тем более, в Руанде. Современные международные конвенции содержат требование, чтобы личности солдат, «законных» комбатантов, были установлены. В скором будущем военнослужащие США, возможно, будут иметь электронные диски с записанной на них информацией об их владельцах, в том числе формулой ДНК. Таким образом, «неизвестные солдаты» как явление, характерное для всех войн, уйдут в прошлое. Совершенно другая судьба ждет более многочисленных и значительно хуже учтенных жертв из числа гражданского населения, пострадавших в ходе кровопролитных операций, не каждую из которых можно назвать войной. Будут ли вместо могил неизвестных солдат стоять монументы, сооруженные в память о гражданских лицах, личности которых не установлены?